

О Т З Ы В

официального оппонента о диссертации Балашовой Елены Анатольевны «Функционирование русской стихотворной идиллии в XX–XXI вв.: вопросы типологии», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Докторская работа Е.А. Балашовой выполнена на высоком профессиональном уровне. В этом в целом убеждает глубокое осознание автором содержания поставленной и изучаемой проблемы и умелое ее структурирование в производных от нее задачах, что обусловило приемлемую полноту решения самой проблемы, доказательств выносимых на защиту положений и научную правоту основных результатов исследования.

В этом смысле можно с уверенностью констатировать, что оппонируемая диссертация состоялась и представляет собой завершенное, самостоятельное и системное исследование.

Его актуальность несомненна. Она обусловлена объяснимым вниманием науки о литературе к восприятию жанровой традиции поэтической практикой XX–XXI вв., постклассической по исторической прописке и преимущественно неклассической по характеру. Происшедшие и происходящие в постклассицистическую эпоху процессы модернизации жанра в связи с повышением авторитета авторства и «индивидуализацией лирики» (Л. Гинзбург), а именно, нарушение конвенции между жанровой темой и соответствующим ей жанровым стилем, таксономическая передислокация структурообразующих признаков жанра, ослабление межжанровых границ и т.д. приводят к актуализации проблемы самого жанра, жанровой системы, жанровой традиции и отдельных жанров, к пересмотру многих инерционных представлений о них и выработке научных подходов, адекватных все более усложняющимся жанровым явлениям и тенденциям в литературном процессе XX–XXI вв. В этом плане оппонируемая диссертация вписывается в проблемный круг современной жанрологии с ее обоснованным интересом к поведению архаичных жанров в новых историко-

литературных обстоятельствах, к механизму мнемонизации и воспроизведения традиции в художественном сознании XX–XXI вв.

Столь же несомненной является и научная новизна исследования, которая заключается в осмыслении современной истории жанров идиллической типологии, их аксиологических и мировоззренческих установок и поэтологических характеристик, в вовлечении в сферу проблемного внимания широкого – малоизвестного, полузабытого и даже неожиданного – историко-литературного материала, обеспечившего высокую степень достоверности теоретических рассуждений и выводов. Следует отметить и их убедительность, обусловленную методологической грунтовкой исследовательской интенции и целевым использованием соответствующих исследовательским задачам методов – историко-генетического, сравнительно-сопоставительного и типологического. Предложенный же и реализованный соискателем предметный подход к объекту рефлексии (идиллия как текстопорождающая модель) можно квалифицировать как продуктивный, поскольку он позволил существенно скорректировать сложившееся представление об идиллии как жанровой форме, тем самым допустить в круг аналитического обзора тексты, которые по своим «внешним» жанровым маркерам ранее не воспринимались идиллическими и, что самое главное, выявить латентные признаки их принадлежности к идиллии в ходе их структурно-семантического анализа и жанрологической интерпретации, тем самым подтвердить научную правоту соискателя. В этом оригинальном прочтении историко-литературного материала и состоит личный вклад диссертанта в современную жанрологию. Этот вклад «запатентован» соискателем монографией и множеством статей, достаточно известных научной общественности и получивших справедливое признание. И самое главное, подтверждающее оригинальность оппонируемой диссертации, – доказанная всем ходом исследования авторская концептуальная мысль: идиллия – продуктивная жанровая модель в поэзии XX–XXI вв.

Нельзя не согласиться с определением соискателем теоретической и практической значимости своего диссертационного исследования. Следует

признать отсутствие единой жанровой картины современного мира, что во многом объясняется смысловой (не текстовой) незавершенностью жанрологической теории. И в этом плане удачный вклад в ее построение нужно приветствовать. Феноменологическое исследование современной идиллии убеждает не только в том, что она как текстопорождающая жанровая модель сохраняет свое действенное значение в литературном процессе, но и в праве, возможности и правоте экстраполяции его опыта на изучение тех жанров, которые утратили свою первичную актуальность, но отнюдь не архивизированы художественным сознанием и продолжают раскрывать свой функциональный потенциал.

К очевидным достоинствам работы следует отнести также, во-первых, единство теоретической и практической составляющих анализа и интерпретации поэтического материала, уместное соотношение имманентного и контекстуального анализа художественных текстов, во-вторых, высокий исполнительский уровень обсуждения исследуемой проблемы, в-третьих, композицию работы, с одной стороны, соответствующую логике развертывания содержания обсуждаемой проблемы, а с другой, – воспроизводящую авторскую логику филологического доказательства.

И в заключение первой части отзыва позволю перечислить некоторые интересные наблюдения и имеющие перспективное значение суждения, иногда с собственными NB:

1. Совершенно правильно подмечено, что освоение идиллических жанров в России шло через переводы и подражания античным и западноевропейским образцам за неимением собственного поэтического опыта, но с симптоматичным их национализированием. Собственная же разработка идиллического связывается с усадебной поэзией, и в этом плане в отличие от многих сугубо игровых образцов западноевропейской идиллии, прежде всего, пасторали, отечественные – жизненно мотивированы и потому не случайно опосредованы столь прагматическим жанром, как пригласительная эпистола с ее конкретным описанием ожидаемых гостя душевного комфорта и анакреонтических утех, не только гастрономических. Естественно, что идиллическое описание усадебной

жизни противопоставлялось городскому существованию, с чем и связана эклога с ее антитезой долга и счастья, свидетельствующей о смене аксиологических ориентиров, в особенности, в переходное – от XVIII к XIX веку – время. В более широком смысле можно говорить об эклоге как жанровой аллюзии на осознание человеком потерянного рая.

2. Хорошо сказано о временных и вневременных (пространственных и иных) формах организации идиллического мира, о непосредственной и косвенной интериоризации, о герое традиционной идиллии и его жанровых характеристиках (завершенный, безличностный, спрогнозированный). Добавил бы, что цельность идиллического героя типологически близка эпическому.

3. Цитата: «Идиллии в заголовках и жанровых определениях появляются не как знак литературной традиции, а как зачин новой традиции, а именно упразднения привычных жанровых требований» (с. 251). И в связи с этим очень верным суждением на с. 263 по поводу «Зимней пасторали» Л. Губанова: «В идиллии же "неугадываемой" – с определением внутренней меры станет сложнее. Оно вернется к тому же "я так хочу", но уже в минус-приеме, в описании (утверждении) от противного: я хочу *не так*. При этом составляющая "я хочу" останется неизменной. Где есть "я", там есть частный мир. Во всех это "я" живет». Замечание, во многом объясняющее современную идиллию.

4. Обозначенный соискателем современный конфликт между жанровым мышлением и лирическим методом как классической основой поэтики выражения, с одной стороны, и художественной речью для сокрытия или маскировки жизненного переживания, с другой, что приводит к закрытости текста как на миметическом «входе» в него, так и на коммуникативном «выходе». См. с. 71.

Теперь перейдем ко второй части отзыва: замечания, пожелания, уточнения.

Как пишет, соискатель, «анализ работ, посвященных жанру, показал растерянность и отчасти дезориентацию современных ученых в вопросе жанровых дефиниций» (с. 25). В своем исследовании диссертант опирается на известные жанрологические теории и их понятийный язык, с которыми мне полемизиро-

вать в данных обстоятельствах нехстати. Тем не менее соискатель обязан разделить с ними ответственность, а потому я вправе адресовать ему следующее.

1. Не согласен с привязкой понятия *художественная модальность* (С.Н. Бройтман) исключительно к постклассической эпохе и поэтике. В таком случае жанру отказано иметь собственную, а не только отраженную, модальность как атрибутивное свойство выражать устойчивое отношение к любому объекту своей рефлексии. В эпоху «рефлексивного традиционализма» (С.С. Аверинцев) она пронизывает все художественное целое, материализуется в стиле и имеет тенденциозный характер. В неклассическую эпоху, антитрадиционалистскую, она становится мнемоническим знаком жанра, по сути, его аллюзией, возможно и иронической.

2. Я бы различил жанровую матрицу как инвариант жанровых модификаций, генетически обусловленный комплекс наиболее устойчивых признаков, остающихся атрибутивными на протяжении всей его исторической жизни, и канон как понятие, обозначающее окончательную традиционализацию признаков жанра в процессе его исторического развития. И тогда бы соискателю не пришлось придавать канону двоякое значение – как набора правил, регламентирующего его дальнейшую судьбу и как исторического образца. При вводе понятия *жанровая матрица* роли распределились бы таким образом: она играла бы роль внутренней нормы жанра, а канон – его внутренней меры. Кстати, понятие матрицы неожиданно встречается на с.74: «Конечно, у Крученых нет ни одного стихотворения, которое воспроизводило бы модель идиллического мира, как у Феокрита, так как жанровая "матрица" у него буквально не воспроизводится».

Кроме того, жанровый канон – понятие историческое, а инвариант – логическое. Канон может играть роль инварианта, но лишь во временных границах традиции, в границах следования ему. Разрыв же с каноном, прежде всего, его пародийная стилизация, тем более, если он обусловлен сменой художественной парадигмы, лишает его инвариантной функции.

Впрочем, признаваемая диссертантом система жанрологических понятий в принципе соответствует исторической логике жанра: «Строгая жанровая форма эйдетической поэтики (канон) сменяется сначала свободной жанровой формой (жанровым законом), а потом – маргинальными жанровыми формами (противостоящими канону, не вписывающимися в закон и имеющими тенденцию к движению самоопределения способом выявления внутренней меры) – в эпоху художественной модальности» (с. 369).

3. Я с большей уверенностью развел бы идиллию и пастораль, несмотря на их понятийное совмещение в новое время, а тем более в нынешнее, потому, что пастораль в отличие от идиллии, которую диссертант определяет как межжанровое образование, следует отнести к метажанрам: стихотворный роман с прозаическими прологами «Аркадия» Я. Саннадзаро (Италия, XV–XVI), стихотворная драма «Аманта» Т. Тассо и поэма «Фьезоланские нимфы» Дж. Боккаччо (Италия, XVI), прозостихотворный роман Ф. Сидни (Англия, XVI) и трагикомедия «Страна любви» Р. Флекно (Англия, XVII), прозостихотворный роман-трилогия «Весна», «Пастух-пилигрим», «Разочарованный» Ф. Р. Лобо (Португалия, XVI–XVII), повесть «Галатея» и «Эстелла» К. Флориана (Франция, XVIII) и др.). Это во-первых. Во-вторых, если вполне оправданно (и не только в терминологическом, но и в практическом смысле) понятие идиллическое связывают с архитектурной формой (М. Бахтин), с пафосом (гегельянцы), с модальностью, то вряд ли приемлема такая умственная процедура в отношении жанрового понятия пастораль. В-третьих, идиллические мотивы не всегда пасторальные, как и пасторальные – не всегда идиллические.

4. В параграфе «Бессобытийность как структурообразующий признак идиллии» следовало бы порассуждать об относительности события и в отношении к субъекту повествования, и в отношении к жанрово-родовой доминанте произведения, если иметь в виду понимание события как со-бытия (Г.Д. Гачев). В идиллии событием является не фабульное, тем более, конфликтное, по характеру, хотя оно, конечно же, и об этом говорит диссертант, является предметом

рефлексии, а модус идилличности, т.е. единство идеальных ипостасей человека и мира, экстрактирование идеального как такового.

5. Порой идиллия отождествляется с гармонией, но в отличие от нее идиллия не экзистенциальное самочувствие, а представление, нуждающееся в отстранении, в локализованном хронотопе, в котором и возможно завершенное бытие (отсюда мотив плодов). Идиллия в отличие от гармонии плотская (было бы нелепым говорить, к примеру, о суфийской идиллии). Потому она преимущественно пространственна, что объясняет ее обращение к экфрасису, пейзажу и пр. Я бы не соотносил идиллию и с синкретизмом, порождающим метафору изначального самочувствия – сродственности человека и мира, но только с визионерскими жанрами – сном и грезой, экранирующими идиллию (примеры: «Всё тот же сон, живой и давний...» М. Кузмина, «Деревенская» А. Хвостенко). Кстати, и приводимое стихотворение К. Некрасовой «И стоит под кленами скамейка...» подсказывает, что идиллическое и мифологическое – суть разное.

6. Несколько замечаний «на полях»:

– С. 46: «К сожалению, мы не обладаем информацией о бытовании идиллии в иностранных литературах с середины XIX века: ни в каких доступных учебных пособиях она не описана». Отвечаю: онейрическая поэма Джеймса Рассела Лоуэлла (США, XIX) «Видение сэра Лаунфаля» (рыцаря из артуровского цикла), где описан северный край – вероятный Эдем; поэма 1859 г. «Мирейо» (сельская идиллия) Фредерика Мистраль (Франция, XIX); цикл «Пастораль I», «Пастораль II» и др. Роберта Силлимэна Хилльера (США, XIX–XX);

– С.107. Зачем приведен отрывок из «Живописного обозрения» Георгия Оболдуева?

– С.108: «Танцует ветер в струнах веток...» – это не из неизвестного поэта, а первый стих «Осенней пасторали» Ирины Эрф.

Однако эти замечания и пожелания носят полемический или факультативный характер и не умаляют профессиональных достоинств научной работы Е.А.

Балашовой, актуальной по своей проблематике, оригинальной в постановке и исполнительском решении проблем, убедительной в своих основных теоретических результатах, аргументированной в аналитическом прочтении художественных текстов.

Диссертационное исследование Е.А. Балашовой полностью соответствует требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (утвержденным постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а его автор заслуживает присуждения искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории литературы
Елецкого государственного университета
имени И.А. Бунина

Б.П. Иванюк

Домашний адрес: 399770, г. Елец Липецкой области, ул. Мира, д. 136, кв. 23;
тел.: 47467-60872, 8-903-032-75-47; эл. почта: odinal47@mail.ru

